

зовать язык в процессе общения, наличие коммуникативной компетенции предполагает владение социальными и культурными знаниями, умениями и навыками межличностного взаимодействия.

Национальный характер – совокупность специфических психологических черт, свойственных той или иной социально-этнической общности. В. В. Воробьев выделяет доминантные характеристики русской национальной личности: *вера, нравственность, соборность, поляризованность душ* [2].

Согласно И. А. Стернину, такие особенности русского национального характера, как соборность, этническая терпимость, любовь к природе, гостеприимство, непунктуальность, «закононебрежение», готовность помогать другим, склонность к устойчивым дружеским связям, общительность влияют на коммуникативное поведение и обуславливают структуру социальной идентичности: гендерной, возрастной, расовой и этнической, географической, классовой, имущественной, статусной [3].

Все описанное выше свидетельствует о широком поле проблем, связанных с межкультурной коммуникацией, которые требуют дальнейшего глубокого изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, УРСС Эдиториал, 2010. – 264 с.
2. *Воробьев, В. В.* Лингвокультурология: учеб. пособие / В. В. Воробьев. – М. : РУДН, 2006. – 112 с.
3. Русское и финское коммуникативное поведение / ред. кол.: И. А. Стернин [и др.]. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – Вып. 1. – 100 с.

М. Л. Ковшова (Москва, Россия)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДЕЙСТВИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОПОСТАВЛЕНИЯ*

В сознании человека реальный мир дан в какой-то мере таким, каким он отражается в языке, и каждый язык отражает реальный мир по-своему, тем самым складывая свою *языковую картину мира*, определяющую специфику национального мировидения. Действительно, «мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием» [1], и главная роль в организации этого потока впечатлений принадлежит

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

языку. Различные направления в современной лингвистике сходятся в том, что языковая картина мира есть означивание в языке концептуальной картины мира, т.е. мира, воспринимаемого сознанием и существующего в сокращенном и упрощенном отображении всей суммы наивных представлений о мире. Тем самым «... национальная концептосфера включает в себя наивную картину мира данного языка, формирующую образную составляющую концептов, национальную систему ценностей» [2, с. 14]. Для представителей различных направлений в лингвистике на современном этапе стало очевидным, что недостаточно сводить понятие языковой картины мира к особенностям языковой системы, проявляющейся в техниках номинации. Мир на естественном языке изначально описывается не «как он есть», а сквозь призму его интерпретации в культуре. Описывая мир, естественный язык, будучи неотъемлемой и важнейшей частью национальной культуры, создает культурно детерминированную картину мира, тем самым онтологизируя мысли о мире, осуществляет движение от мировидения к мировоззрению. Идея миропонимания, запечатленного во внутренней форме языка, не может исследоваться в отрыве от идеи мировоззрения, также запечатленного в языке как элементе этнической культуры; вместе с языком мы воспринимаем и особенности мировоззрения, сформированного в той или иной культуре. Поэтому в лингвокультурологии, нацеленной на изучение языка и культуры в их взаимопроникновении, под языковой картиной мира понимается отраженный в языке способ восприятия мира и его понимания (интерпретации) человеком или группой людей, объединенных общим мировоззрением, основанным на общности этнической культуры. Лингвокультурологический подход основывается также на положении о том, что в языковых знаках хранится и транслируется в речи разного рода культурная информация. Понятие культурно значимой информации связано с главным в самопознании – с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху. Человек, владеющий культурно значимой информацией, владеет ценностным кодом этнической культуры, ориентирующим его в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизни. Разными способами, в том числе и прежде всего – с помощью языка кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, и составляет в целом культурно-национальную картину мира, в которой раскрывается мировоззрение народа.

О национально-культурной специфике фразеологизмов в их сопоставлении. В истории фразеологии сопоставление единиц разных языков опиралось, прежде всего, на *объективный фактор* обязательного наличия специфики у фразеологизмов. Действительно, жизнь каждого народа протекает в только ему присущей природной и историко-культурной (материальной и духовной) реальности. На этом основании в образы фразеологизмов «падают» те вещи, явления, исторические события, названия природных

реалий, животных, растений, имена людей и т.п., которые есть и которые значимы в жизни данного народа. «Всякий язык проявляет избирательность по отношению к объективному внеязыковому миру и по-своему отображает его» [3, с. 374]. Например, в русском языке нет фразеологизмов со словом *артишок* (пример В. Г. Гака), так как это растение нетипично для русской природы и русской гастрономической культуры; есть две-три идиомы со словом *сыр*, которое в русской пищевой культуре долгое время означало продукт наподобие творога, который уступал по значимости другим сытным и дешевым видам пищи, в большей мере отвечающим суровым климатическим условиям России и особенностям крестьянского труда. (В отличие от французских реалий и французской пищевой культуры, где наименований сыра, как известно, столько, сколько дней в году, а фразеологизмов с этим компонентом еще больше [4].) *Субъективный фактор* видится исследователями в произвольной избирательности языка, когда слова в разных языках, отражающие одни и те же для разных народов реальности, в составе фразеологизмов выступают носителями различных смыслов, служат выразителями различных сформированных в культуре символов, эталонов, стереотипов и т.п. Так, символами искренности и доверия в русской языковой картине мира являются *сердце, душа (открыть сердце, излить душу)*, в китайской языковой картине мира – *желчный пузырь, печень*. Ср.: *沥胆披肝* букв. *желчный/желчь пузырь капает/излить, открыть печень* ‘абсолютно искренний и верный’; *吐肝露胆* букв. *выплюнуть печень, открыть/показать желчный пузырь* ‘открыть свое сердце’. В. Г. Гак в своей статье, посвященной национально-культурной специфике фразеологизмов, писал, что «быть может, следует разграничивать национальную специфику ФЕ и культурную специфику ФЕ» [5, с. 260]. Действительно, *национальная специфика фразеологизмов* выявляется при сопоставлении разных языков по алгоритму лингвистического анализа: план содержания – план выражения (внешняя и внутренняя форма) – соотношение обоих планов – функционирование. *Культурная же специфика фразеологизмов* определяется лингвокультурологическим методом соотнесения образа языкового знака с другими символически нагруженными знаками материальной и духовной культуры народа, со сведениями из его истории, верований, обычаев. Говоря о специфичности фразеологизмов, лингвисты неизбежно переходят в область культуры, и углубление в пространство культуры требует умения описывать связь культуры и языка на метаязыке лингвокультурологии. Сопоставление фразеологизмов как знаков языка и культуры с другими знаками культуры – ритуалами, обычаями, поведенческими практиками и т.п. – проводится как в рамках одной национальной культуры, так при сопоставлении разных национальных культур (также сопоставляются в рамках одной национальной культуры ее субкультуры). Лингвокультурология не нацелена исключительно на поиск специфичных проявлений культуры в языке – важно выявлять общие и специфичные механизмы внедрения культуры в языковые сущности.

Лингвокультурологический сопоставительный метод исследования во фразеологии. С позиций лингвокультурологии фразеологические единицы разных языков сопоставляются как знаки, в семиотической форме которых нашла свое воплощение культурно значимая информация, важная для познания ментальности того или иного народа, для изучения особенностей сложившегося в той или иной культуре мировоззрения. «Результаты контрастивного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия “наивных” культурно-языковых картин мира» [6, с. 16]. Фразеология исследуется как способ «самопознания, нацеленного на установление факта идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в этих процессах и продуктах как мерило собственно человеческого в деятельности, т.е. как ценности ее ценности» [7, с. 102–103]. Семантика фразеологизмов не только содержит денотативный и сигнификативный компоненты – передает обобщенное представление о фрагменте действительности и конфигурацию этого типового представления; не только сообщает образ, концептуальную схему видения происходящего, но и транслирует культурные смыслы, а в образах фразеологизмов запечатлено ценностное содержание той или иной культуры. Поэтому, сопоставляя последовательно все аспекты значения (от денотативного до оценочного) и способы их выражения (структура, компонентный состав, тропы, модели), лингвокультурология уделяет особое внимание сходству и различию глубоко залегающих культурных «слоев» в семантике языковых знаков, сходству и различию в культурных установках [8]. Лингвокультурологический анализ позволяет описать значение фразеологизмов во взаимосвязи с семантикой той или иной культуры; выявить культурные константы, получившие закрепление в устойчивых единицах различных языков, установить культурно-языковые эквиваленты.

Так, в русском и китайском языках концептуализация абстрактного понятия «возраст» обнаруживает немало сходного. И в русской, и в китайской фразеологии есть единицы, в которых компонентом является имя самого концепта, напр. рус.: *выйти из детского возраста, переходный возраст, бальзаковского возраста, на возрасте, без возраста* и др.; ср. кит.: 年齡 · 岁数: 超龄 ‘выйти из какого-л. возраста’, 妙龄 ‘человек на возрасте’, 中年人 ‘человек средних лет’, 结婚年龄 ‘брачный возраст’ и т.д. [9]. Необходимая для такого абстрактного понятия, как возраст, конкретизация в образах русских идиом и поговорок и китайских единиц весьма специфична, однако картирование возраста в наивном языковом сознании у русских и китайцев имеет и общую черту: фразеологизмы описывают не столько тему возраста (напр., рус. *пожилого возраста* и кит. 古稀之年 букв. *возраст, до которого мало людей может дожить*), сколько те признаки и формы человеческой жизнедеятельности, которые так или иначе сопряжены с темой возраста. Это внешние качества человека (напр., рус. *седой как лунь*; кит. 白发苍苍 букв. *белые и седые волосы*; 鹤发鸡皮 букв. *волосы журавля и кожа курицы*); физическое состояние человека (напр., рус. *песок сытется*;

кит. 老态龙钟 букв. *неуклюжий от старости*); внутренние свойства, характер человека, поведение (напр., рус. *бальзаковского возраста* – «Характеристика женщины средних лет или несколько старше, сохранившей привлекательность, демонстрирующей интерес к мужчинам и пользующейся у них успехом» [10, с. 106–107]; деятельность, опыт (рус. *старый морской волк, старый воробей, старый конь борозды не портит*; кит. 老马识途 букв. *старая лошадь знает дорогу*) и др.

Сопоставим три близкие по значению единицы: рус. *как лунь седой, белый* и кит. 白发苍苍 букв. *белые и седые волосы* (седые волосы, словно перья журавля); 鹤发鸡皮 букв. *волосы журавля и кожа курицы*.

Лингвистический анализ. В плане выражения русский фразеологизм является компаративом, его внутренняя форма основана на идее подобия субъекта и объекта сравнения, тогда как китайские единицы основаны на тождестве, при этом русский фразеологизм является описательной фраземой, а китайский – идиомой (чэньюй). Для структуры китайских фразеологизмов характерно парное, представленное в виде сочинительной конструкции, описание: белые и седые; волосы журавля и кожа курицы, в то время как русская компаративная единица содержит только объект сравнения – *как лунь* в сочетании с устойчивым признаком сравнения, выраженным двумя единицами: *белый, седой*. В предложении и русская, и китайские единицы выполняют функцию характеризующей предикации. Китайские единицы прозрачны по образам, в то время как русская единица содержит опорный компонент, выраженный лексемой, требующей этимологического комментария: *лунь* – «род сокола белого или серого цвета; коршун» [11, с. 534; 12, с. 352]. (Ассоциация, которую вызывает восприятие непрозрачного компонента *лунь*, обусловлена семантикой признака сравнения – *седой, белый* и созвучием слов *лунь* и *луна*, тем самым создается ложная мотивированность образа на уподоблении цвета волос лунному свету.) В плане содержания русская и китайские единицы сходны по денотативному аспекту, однако области денотации полностью не совпадают. Первая китайская единица описывает седые волосы, вторая – седые волосы и дряблую кожу лица старого человека (мужчины или женщины); русский компаратив – совершенно седые волосы/ волосы и бороду (если описывается мужчина). Сигнификативный аспект китайских единиц – типичная внешность старого человека; в русской единице описывается 1) типичная внешность старого человека или 2) типичная внешность не старого, но много пережившего человека [13, с. 15]. Ср. иллюстрации: (1) *Отмечу, что старушек звали Анна Степановна и Юлия Моисеевна, обе **белые как лунь**, но совершенно бодрые и похожи были как родные сестры из-за необычайно малого роста и живого блеска в глазах.* (2) *Любовь Онисимовна тогда была еще не совсем стара, но **седа как лунь**. В дверях стоял моложавый улыбающийся мужчина, но уже весь **седой как лунь**, среднего роста, в очках, с мягким, как бы извиняющимся, выражением лица* [14]. Ср. также рус. выражения *поседеть от горя, рано поседеть* и т.п. Мотивационный аспект значения содержит сходные образные основания:

русская единица построена на сравнении цвета волос с перьями птицы; китайские чэньюй – на сходстве волос человека и перьев журавля по цвету; кожи человека и курицы по цвету и фактуре. Эмотивно-оценочный аспект сходится в нейтральной позиции, но все фразеологизмы склонны к выражению позитивной оценочности.

Культурологический анализ. И русская, и китайские единицы обнаруживают в своих образах «следы» древнейших архетипических представлений, основанных на наблюдении о связи внешнего и внутреннего – тех процессов, которые происходят в организме человека, и их внешних проявлений. Белый цвет старости, имеющий онтологическое основание, символизирует и в русском, и в китайском цветовых кодах культуры (кроме многих других, более позитивных, смыслов; ср. рус. *белый свет*, *белая кожа* и т.п.) потерю активности, необратимые возрастные изменения (ср. рус. *убеленный сединой*). Компоненты сопоставляемых фразеологизмов соотносятся с зооморфным кодом культуры, который хранит исходные пути метафорических переносов с внешнего вида животных на облик человека. И русский, и китайский образы восходят к архетипическим способам осознания универсума, а именно наделению явлений окружающего мира свойствами человека (т.е. антропоморфизм), к верованиям о связи между человеком и животным (т.е. тотемизм). Кроме того, в китайской идиоме (чэньюй) образ журавля дополнен символическими смыслами. «По мифологическим представлениям, журавли неизменно присутствовали в лаосском раю. Из яиц этих священных птиц готовили пилюли бессмертия <...> журавли переносят по воздуху небожителей <...> Журавль – птица, связанная с представлениями о бессмертном бытии» [15, с. 76]. В русской языковой картине мира фразеологизм *белый как лунь* играет роль эталона необратимых изменений во внешности человека от старости или переживаний; в китайской языковой картине мира фразеологизмы передают стереотипизированное представление о внешности старого человека.

Лингвокультурология в настоящее время нацелена на следующий шаг – сопоставить план прагматический, т.е. описать модальную организацию высказывания, конвенциализованные типы речевого поведения при употреблении фразеологизмов, стилистические ограничения и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уорф, Б. Л. Отношение нормы поведения к мышлению и языку / Б. Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1960. – Вып. 1. – С. 61 – 97.
2. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М.: URSS, 2010. – 408 с.
4. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2015. – 456 с.

5. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 260–265.
6. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–24.
7. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки: тез. докл. – М. : Обнинск, 1995. – С. 102–104.
8. Ковшова, М. Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры / М. Л. Ковшова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. – М : Культурная революция. – 2016. – С. 468–498.
9. Доу, Ч. Фразеология и ее классификация в русской и китайской филологии / Ч. Доу // Вестн. Орлов. гос. уни-та. – 2015. – № 5 (46). – С. 284–287.
10. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
12. Мокиенко, В. М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-пресс, 2001. – 704 с.
13. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка / Л. А. Лебедева // Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003. – 300 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.09.2016.
15. Филимонова, Е. Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные: На материале переводов с корейского и китайского языков / Е. Н. Филимонова // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 51–82.

А. И. Куляпин (Барнаул, Россия)

**«РУССКОЕ» И «СОВЕТСКОЕ»
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В. М. ШУКШИНА**

Со школьных времен у будущего писателя сформировался устойчивый интерес к географии, ставшей одним из его любимых учебных предметов. Впоследствии биография Шукшина – режиссера и актера – будет связана уже не с виртуальными, а с настоящими путешествиями по многим городам Советского Союза и Европы.

Хотя в своих произведениях Шукшин чаще всего использует подлинные топонимы, его географическая топоника далека от реальной.